

Поздняя осень Солженицына

ПИСЬМО В "КОМСОМОЛКУ"...

"Ринувшись в проповедничество, он не обрел, но потерял..."

Любопытно, что закрытие персональной телепрограммы А. И. Солженицына — после целого года общения со зрителем в самое удобное время! — вызвало лишь бурю в столичном стакане воды, но не вспышку народного недовольства. И любопытно — почему?

Не стану выступать от имени народа, скажу о своих впечатлениях. Ринувшись в проповедничество, Солженицын не обрел, но потерял: слово его уже не открывало глаза, как в "Архипелаге", но мозолило, заглушалось стенаниями прочих табунающихся телеоракулов.

С большими художниками подобное случалось и прежде. То тот, то другой из них на склоне лет начинал вещать, как бы из старческой кельи, не принимая во внимание то деликатнейшее обстоятельство, что к старцам — то за Словом люди ходили сами и получали его лично, но никогда наоборот.

Давно замечено, что искусство и проповедничество — несовместны. Сколько великих, став на эту трясинную тропу, более уж не могли подняться в творчестве до своих же вершин.

Ю. КАЛИНИН.
С. — Петербург.

...И НАШ КОММЕНТАРИЙ

Слушая на днях "Эхо Москвы", узнал такую историю. Ее рассказал издатель и правозащитник Александр Глезер.

Полгода назад Глезер с инфарктом попал в больницу. Через три дня он уже перезнакомился с соседями по отделению инфарктников. Разговор зашел и о Солженицыне. "Твой Солженицын — ...", — выразился один сердечник. "Сам ты..." — ответил Глезер. Дискуссия закончилась рукопашной схваткой с применением больничных стульев.

Вот уже тридцать лет и три года — с тех пор, как в "Новом мире" появился "Один день Ивана Денисовича", — люди готовы идти на дуэль, на драку, на риск, на лишение всех званий и состояний, на второй инфаркт, за слышав хулу на Солженицына.

Недруги Солженицына отличались не меньшей горячностью, а в былые времена — и полицейской жестокостью.

Тридцать лет и три года люди в России крепко сходятся и столь же отчаянно расходятся "на почве Солженицына". Что же это за почва такая сейсмически опасная?

Каждое действие или бездействие Солженицына вызывает новое размежевание или возобновляет старое.

Обвинения в адрес Александра Исаевича становятся все более экзотическими. В сентябре одна московская газета обвинила его в "использовании Колымы в личных целях".

На фоне темпераментных поклонников и ненавистников Солженицына как-то потерялись собственно читатели

Александра Исаевича. Потерялись литературные, а не политические критики его текстов. Стало забываться, что он нобелевский лауреат по литературе, что он писатель.

Сейчас это кажется странным, но по известным причинам писатель Солженицын с середины шестидесятых годов был полностью лишен умной и добросовестной литературной критики у себя на Родине. Кто тут больше потерял — критика или сам Солженицын, об этом можно спорить. Но читатели определенно потеряли многое. Мне и сейчас был бы интересен профессиональный разбор лучших глав "Красного колеса" или последних рассказов Солженицына такими проницательными критиками, как Валентин Курбатов или Лев Аннинский.

Но по инерции даже в литературных журналах Солженицын — это прежде всего герой политической мифологии. Журнал "Москва" в одном из недавних номеров сделал обзор политических сил в канун выборов. Солженицыну там посвящена отдельная глава, как самостоятельной политической силе.

Возможно, кто-то и рад был бы увидеть Солженицына на политическом ринге. Одни не против спрятаться за его спиной и двинуть писателя, как таран, другие молодчики хотели бы пободаться с таким неповалимым человеком и с тем войти в историю.

И, конечно, когда тихо закрыли солженицынские пятнадцатиминутки на телевидении, хотели не тишины и покоя

в предвыборном эфире и не справедливости. Именно спокойный и раздумчивый тон этих передач был отторгнут, как отторгаются сейчас в эфире и прессе всякое миролюбие, доброжелательность и равновесие.

Передачи эти не были образцом телевизионного искусства, но возгласы "Ску-учно, господа!" касались, очевидно, содержания, а не формы.

Я смотрел солженицынские передачи от случая к случаю и, наверное, не успел втянуться. Мне тоже иногда было скучно слушать то, что, как мне казалось, я уже читал у того же Александра Исаевича. Но причина этой скуки, как я сейчас понимаю, совсем в другом. Сам предмет разговора оказался сермяжно прост и в то же время докучливо сложен. Лучшие самого Солженицына об этом предмете не скажешь: обустройство. Кропотливая, черная, подробная работа, о которой Солженицын говорит так же подробно и старательно.

Для многих, и для меня тоже, это было открытием — Солженицын оказался певцом организации и толкового порядка.

Писателя представляли радикалом, неистовым трибуном, народным заступником на манер Робин Гуда и Стеньки Разина. А он перелистывает листочки, поправляет очки и — толкует.

Ю. КАЛИНИН

"Доктор вынул старый серебряный портсигар и, закуривая, сказал:

— Да, все Дума да Дума... Не выпить ли нам коньяку? Грустно что-то".

Это из бунинского рассказа "Речной трактир". Этот доктор очень похож на тех господ, которые, зевая, закрыли передачу Солженицына, а потом так же лениво что-то объясняли нам.

Александр Исаевич не принимал никаких театральных жестов и не поднял на ноги мировую общественность. На пресс-конференции по этому поводу самого писателя не было. Как не было и его жены Натальи Дмитриевны.

От скандала с телевидением Солженицын ушел, в неприимую оппозицию с обиды не поддался, на дикие выдумки про "использование Колымы в личных целях" не отвечает. Скупной гений, писать о нем нечего...

Когда же наступит время для чтения Солженицына? Ведь писателя можно по-настоящему, сердцем, прочитать, лишь когда вокруг его имени установится тишина. Не мертвое забвение, а тишина, какая бывает поздней осенью: прозрачная, немного торжественная.

Вокруг Солженицына всегда происходил и происходит такой фейерверк событий и конфликтов, что редкий читатель мог просто взять его книгу и почитать, как читают любого другого русского писателя, — без мельтешения в сознании этого фейерверка.

Октябрь был замечательным месяцем для 77-летнего (в декабре исполнится) русского писателя Александра Солженицына. В десятой книжке журнала "Новый мир" вышли три его новых рассказа: "Молодняк", "Настенька" и "Абрикосовое варенье". И самое главное: вышел первый том собрания публицистики Солженицына. Собрание будет в трех томах. Выпускает его Верхне-Волжское книжное издательство (Ярославль)".

Перелистав этот семисотстраничный том, я словно впервые увидел некоторые строки. Например, вот эти, 1973 года, из "Письма вождям...":

"Вы можете с негодованием или смехом отбросить соображения какого-то одиночки, писателя. Но с каждым годом то же самое будет настойчиво предлагать вам жизнь — по разным поводам, в разное время... — но именно это. Потому что это осуществимый плавный путь спасения нашей страны..."

Тридцать лет и три года Солженицын взывает к сбережению народа. Вожди меняются, но вот именно главное солженицынское слово, о сбережении, они не слышат. Про демократию расслышали, про земство тоже, думаю, расслышат. А вот про сбережение еще долго надо будет по складам объяснять. Три тома публицистики Солженицына могли бы выйти под одним названием: "Нет пророка в своем Отечестве".

Впрочем, возможно, не все так грустно. Как раз перед тем, как передачу Солженицына смахнули с экрана, наша читательница Ольга Манушина из Устюжны написала мне: "...Сейчас смотрела "Встречи с Солженицыным". Это меня так волнует, я буквально каждое слово ловлю. Я раньше считала себя очень непатриотичной... Мой патриотизм оказался сродни солженицынскому. Точнее, благодаря Солженицыну я поняла, что он вообще у меня есть".

Дмитрий ШЕВАРОВ.

15.11.95.

Солженицын А.И.